

**О РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ,
НАХОДИВШЕЙСЯ В ОДНОМ СБОРНИКЕ
СО «СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Академик С. П. Обнорский высказал предположение о новгородском происхождении рукописи «Слова о полку Игореве».¹ В связи с этим не лишним будет заметить, что та русская летопись, которая находилась в одном сборнике со «Словом о полку Игореве», была, по-видимому, летописью новгородской.

В самом деле, в предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве» в перечислении статей сборника вторым номером отмечен «Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ Князей и земля Рускыя».²

Из всех известных русских летописей такое название имеют только списки Новгородской I летописи младшего извода. Начало Новгородской I летописи сохранилось в Толстовском списке ГПБ (Ф. б. о. VI, № 223). Ее название в этом списке — «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописаніе князей князь³ и земля руския. . .». Начало другого списка этой летописи — Академического, поступившего в БАН в 1783 г. от В. Н. Татищева (шифр 17.8.36), ныне утрачено, и летопись начинается прямо с половины фразы в статье 945 г. Однако во времена В. Н. Татищева она сохраняла еще свои первые листы, и в 8-й главе «Истории российской» В. Н. Татищева имеются краткие сведения о ней и приведено ее заглавие: «Временникъ, иже наречется лѣтописаніе русскихъ князей и земля русская». Это название еще ближе к тому названию русской летописи, которое имелось в оглавлении сборника «Слова о полку Игореве», однако форма последнего — «еже. . . нарицается. . .» — более близка к Толстовскому списку. Так же как в Академическом (татищевском) читается это название и в Воронцовском списке, поступившем в БАН (шифр 31.7.31) в 1920 г.: «Временникъ, еже нарѣчается лѣтописаніе русскихъ князей и земля руская». Сходные строки читаются и в других редакциях новгородских и московских летописей, зави-сящих от Новгородской I младшего извода (в Новгородских IV и V и в Софийских), но, во-первых, всюду с добавлением слова «Софийский» («Съфеіскии Временник, еже нарѣчается. . .» и т. п.) и, во-вторых, не в начале текста, как его заглавие, а в середине. Отсюда ясно, что летопись, читавшаяся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве», была, вероятнее всего, Новгородской I младшего извода.

¹ Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946, с. 136, 143—145.

² Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя новгородо-северского Игоря Святославича. М., 1800, с. VII.

³ В издании «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку» (СПб., 1888), где список этот издан, пропущено слово «князь».

Просматривая варианты по спискам Новгородской I летописи младшего извода к Синодальному списку той же летописи, легко заметить, что составитель протографа Новгородской I летописи младшего извода, в общем довольно строго следовавший старшему изводу, отклонялся от своего оригинала главным образом в сторону некоторой большей литературности изложения. По опискам и некоторым добавлениям в тексте можно видеть, что он был начитанным и образованным человеком. Так, например, под 1255 г. летописец невольно обнаружил свое знакомство со «Сказанием о Мамаевом побоище»; в тексте «и идуцю Олександрю с многими полкы і с Новоторжьци, срѣте и Ратишка с перевѣтомъ» летописец принял последнее слово за имя героя Сказания инока-богатыря и написал «Пересвѣтомъ». В другом случае (под 1316 г.) летописец — составитель протографа Новгородской I младшего извода — сделал ссылку на «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. К рассказу старшего извода Новгородской I летописи о голоде в новгородском войске он добавил: «якоже древле Иерусалимлянѣ, внегда предасть я (в Акад. и Толст. — а) богъ в руцѣ царю римскому Титу».⁴

К числу чисто литературных припоминаний летописца следует также отнести и известие младшего извода Новгородской I летописи об основании Шкилом или Щилом в 1310 г. Покровского монастыря на Дубенке. Известие это приводило в смущение всех занимавшихся «Повестью о посаднике Щиле» и не рассматривавших специально вопроса о появлении этого известия в новгородских летописях.⁵ Исследователи исходили из него как из исторически достоверного. Между тем древнейший — Синодальный — список не имеет под 1310 г. сведений о Щиле и о построении монастыря; наоборот, в нем говорится о построении каменной церкви, что отчасти свидетельствует о том, что монастырь на Дубенке в 1310 г. уже существовал (в Новгороде каменные церкви строились обычно на месте деревянных⁶). Между тем Новгородская I летопись младшего извода добавляет к тексту Синодального списка «поставиша церковь на Дубенке Покров святыя богородица, стяжением роба божия Олония мниха» следующие слова: «нарицаемого Шкила и бысть монастырь, христианом прибежище». И в данном случае мы имеем, следовательно, литературную реминисценцию автора младшего извода Новгородской I летописи.

⁴ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, с. 317.

⁵ Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821; Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, вып. 1; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. — ОЛДП. 1895, № 108; Витт А. де. Повесть о новгородском посаднике Щиле. — ИОРЯС, 1913, т. 18, кн. 2, с. 88—115; Еремин И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле. — Труды Комиссии по древнерусской литературе, Л., 1932, вып. 1, с. 59—151.

⁶ Передольский В. С. Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 91. Тем самым становится вероятным отнесение исторических событий новести к Иоанну I.

Замечательно, что в одном случае мы можем подозревать знакомство составителя протографа младшего извода Новгородской I летописи со «Словом о полку Игореве». Дело в том, что новгородский наместник в Пскове Вячеслав наделен в младшем изводе Новгородской I летописи отчеством «Гориславич». В Синодальном списке читается: «они же въгонивше въ Пльсковъ, яша Вячеслава, и бивъше его оковаша и»; в тексте Комиссионного списка после имени Вячеслава добавлено «Горисланица», а в списках Академическом и Толстовском — «Гориславича». До сих пор в исследовательской литературе о «Слове о полку Игореве» к отчеству Олега «Гориславича» было приведено лишь две параллели: одна (указана Д. Дубенским) в Лаврентьевской летописи под 1228 г. в прозвище Рогнеды, жены Владимира Святославича, — «Горислава» и другая (указана Н. Тихонравовым) в «Молении» Даниила Заточника в известной сентенции: «кому ти есть Переславль, а мне Гореславль». Параллель Новгородской I летописи младшего извода несомненно ближе к «Слову о полку Игореве».

Вставка в начале XV в. (время составления протографа младшего извода Новгородской I летописи) иронического отчества «Гориславичъ» могла быть вызвана литературными реминисценциями летописца, сравнившего Вячеслава с Олегом Святославичем «Слова о полку Игореве»: и тут и там оба героя, несчастные лично, были вместе с тем причиной междоусобиц.

В 1232 г. в отсутствие в Новгороде князя Ярослава (отца Александра Невского), воевавшего в Черниговском княжестве, псковичи и явившиеся в Псков новгородцы — противники Ярослава — схватили Ярославова наместника Вячеслава, избили его и заключили в оковы. Волнения были настолько велики, что перекинулись в самый Новгород. Ярослав вернулся и велел схватить псковичей, бывших в Новгороде, и посадить их на Городище, а затем послал сказать в Псков, что он будет держать псковичей до тех пор, пока в Пскове не освободят Вячеслава и не изгонят его противников — новгородцев. Псковичи не послушались слова Ярослава, и вражда продолжалась все лето. Ярослав прекратил торговлю с Псковом и отказался выпустить семьи своих противников-новгородцев. Псковичи выпустили Вячеслава, вражда из-за которого дорого обошлась и новгородцам и псковичам, но розмирье Новгорода и Пскова продолжалось до зимы.

Нам кажется, что отчество «Гориславич», прибавленное к имени Вячеслава — главного героя новгородско-псковской Смуты 1232 г., — такая же литературная реминисценция «Слова», как и известное место в послесловии псковского Апостола 1307 г.: «. . . при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человекомъ».